

УДК 1;316.7

**РОЛЬ ТЕРСКОГО
КАЗАЧЕСТВА
В ФОРМИРОВАНИИ
СОВРЕМЕННОЙ
СОЦИАЛЬНО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЫ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

**THE ROLE
OF TEREK COSSACKS
IN FORMATION
OF MODERN SOCIAL
AND DEMOGRAPHIC
STRUCTURE
IN THE NORTH
CAUCASUS**

Еналдиев Тамерлан Борисович

Соискатель Института социологии
и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: kavkazdon@mail.ru

Enaldiev Timur B.

Postgraduate degree seeker,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: kavkazdon@mail.ru

В статье делается попытка анализа роли терского казачества в формировании современной социально-демографической структуры в Северо-Кавказском регионе, что связано с оценкой социального потенциала терского казачества, его способности быть субъектом политики на Северном Кавказе и в этом контексте определять будущее региона в составе Российского государства.

The author of the article attempts to analyze the role of Terek Cossacks in formation of modern social and demographic structure in the North Caucasus region, which is associated with the assessment of social potential of Terek Cossacks, its ability to be the subject of policy in the North Caucasus and in this context to determine the future of the region as part of Russia.

Ключевые слова: терское казачество, социально-демографическая структура, ресурс, традиции, этническая субгруппа, казачья культура, народы Северного Кавказа.

Keywords: Terek Cossacks, socio-demographic structure, resource, tradition, ethnic subgroup, Cossack culture, peoples of the North Caucasus.

Возрождение казачества – важное явление социального процесса постсоветской России. Данный процесс находится в центре внимания социологов и политологов [1–3], отмечающих как противоречивость самого явления, так и непоследовательность политики государства в отношении казачества.

В нынешних условиях терское казачество не слишком выделяется на фоне активности казачества в других регионах и, что интересно, в городах России. Между тем история и современность терского казачества как этносоциальной группы российского населения свидетельствуют о том, что не утрачена его роль как группы социальной и политической стабильности в Северо-Кавказском регионе. Исторически сложилось, что терское казачество являлось форпостом Российского государства, что терские казаки осуществляли не только военную, но и хозяйственную, культурную колонизацию новых территорий России.

Для современной жизни терского казачества свойственна бифуркация, поиск путей социального самоопределения в сложных новых реалиях. Действительно, терское казачество стоит перед выбором возвращения традиционного пути служения государству и занятия земледелием или модернизированного, связанного с активным освоением новых профессий, влиянием на политическую жизнь, участием в разработке программ развития Северо-Кавказского региона.

Следует учитывать, что терское казачество так и не оправилось от исторических травм предшествующего периода, что на его социальном самочувствии до сих пор сказывается период расказачивания, репрессии как «слуг» царизма и проводников колонизаторской политики, насильственного изгнания этнократическими режимами 90-х гг. Также деструктивное влияние оказывает территориальная сегментированность, анклавность некогда единого социокультурного образования. Чересполосность проживания казачества производит своеобразный эффект социального гетто, жизни в локальных общинах в окружении иноэтнического населения.

Не драматизируя ситуацию, можно говорить о том, что актуальным для исследования перспектив терского казачества как этносоциальной группы является динамизм обновления по возрастным, социально-экономическим, культурным параметрам. Речь идет о том, что терское казачество не являлось узкой этнической группой, что в состав казачества входили представители народов Кавказа, что уклад терского казачества был связан с ассимиляцией традиций и обычаев. Эти обстоятельства позволяют говорить об уникальном характере терского казачества как открытой этносоциальной группы [4].

В рамках реализации цели заявленной статьи следует говорить о том, что историческая, этнографическая мысль сосредоточивается на прошлом терского казачества, что порождает эффект этнографизма или иммитационности. Важным можно считать анализ терского казачества как практической социальной группы, группы, обладающей социальным позиционированием, социальной капитализацией, групповой идентичностью.

Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что современное терское казачество не является архаикой или искусственным образованием. В реальности происходит трудный, но последовательный процесс становления терского казачества как этносоциальной группы. Сохраняя преемственность на уровне коллективного опыта и базисных социальных и нравственных норм, современное терское казачество адаптируется к переменам, вносит новые элементы в сельскую и городскую жизнь [5].

Учитывая, что на Северном Кавказе происходят процессы традиционализации и модернизации, можно говорить о том, что терское казачество находится под перекрестным влиянием этих тенденций. С одной стороны, в рамках роста адаптивного потенциала терские казаки ориентированы на возрождение этнической традиции для восстановления взаимопонимания с народами Кавказа. С другой – в условиях отъезда большей части высокообразованного населения казачество становится группой лидерства в социокультурной модернизации региона. Это выражается в том, что казаки не только поддерживают региональную государственную политику, но и заинтересованы в том, чтобы Северо-Кавказский регион стал зоной экономического роста, что для представителей казачества свойственно обращение к новым методам хозяйствования и предпринимательской деятельности [6].

Фермерские хозяйства на Ставрополье, в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии испытывают определенные трудности, связанные и с получением культуры, и с использованием земельного фонда, но тенденция «возвращения на землю» является конструктивной, поскольку определяет возможности не воспроизводить социальную имитацию, как это наблюдалось и наблюдается в деятельности некоторых казачьих общин, по существу, имитирующих казачьи традиции и обычаи, но не оказывающих реальное влияние на процесс возрождения казачества.

Это важно и в том смысле, что терское казачество исторически представляет собой наиболее устойчивый субэтнос русского населения на Северном Кавказе, что по сравнению с переселенцами советского периода они считают себя коренными в этом регионе, и для них Север-

ный Кавказ действительно малая родина в составе большой России. Таким образом, для терского казачества вопросом «выживания» являются сохранение ядра казачества, преемственность поколений, открытость для диалога с народами, населяющими Кавказ [7].

В этом смысле также следует подчеркнуть, что терское казачество переживает сложные времена. Это проявляется в том, что вместе с чересполосицей, анклавизацией казачьего расселения, зависимостью от отношения локальных административных структур не просматривается реальная программа развития терского казачества. Между тем по сравнению с другими группами казачества (донским, кубанским, астраханским, сибирским) терское казачество имеет собственную культурно-историческую социально-хозяйственную специфику.

Сформировавшись в российском пограничье, на рубежах колонизации, казаки адаптировались к местной социокультурной среде в соответствии с культурными и социальными ресурсами. Казачьи поселения были поселениями вооруженных земледельцев, что терское казачество принимало участие во всех кавказских походах России. Казачьи войска мобилизовались в случае больших войн и военных конфликтов, для терских казаков повседневностью являлось отражение набегов, иницируемых либо внутренней «реакцией», либо при активном вмешательстве иностранных сил (Османская империя). Прошлое терского казачества, в силу исторической памяти, часто трактуется неоднозначно, но несомненным фактом является то, что казаки имели репутацию миротворцев, и с ними вступали в контакт представители различных этнических групп. При этом речь идет о том, что у терских казаков сформировалась культура взаимопонимания с кавказскими народами, которая уникальна в том смысле, что содержит кодекс гостеприимства и связана с неукоснительным соблюдением уважения иноэтнических традиций и обычаев.

Разумеется, конфликтные ситуации, которые были связаны не столько с присутствием терского казачества на Кавказе, сколько с попытками ассимиляторства и репрессивности по отношению к местным локальным сообществам, осложняли процесс взаимодействия и взаимопонимания.

Но нет оснований считать, что политика расказачивания терского казачества в 20-е гг. XX в. являлась справедливым возмездием за поддержку политики царизма на Кавказе. В большей степени действовала логика «жертвования казачества», для того чтобы привлечь на сторону большевиков кавказские народы или хотя бы нейтрализовать возможности их участия в Гражданской войне как «третьей силы». Чтобы примирить народы Кавказа с новыми реальностями, терское казачество

стало «картой размена». Отмеченные исторические обстоятельства, несомненно, нанесли глубокую социокультурную травму терским казакам, последствия которой и проявились в постсоветский период.

Таким образом, исторически терское казачество развивалось в состоянии социальной экстремальности, и в нынешних условиях стабилизации очевидным становится то, что процесс возрождения казачества как субэтнуса русского народа характеризуется бифуркацией, выбором альтернатив, связанных, с одной стороны, с возвращением к формуле государственного служения, с другой – с автономизацией хозяйственной, культурной и политической жизни. Данная бинарность носит искусственный характер, поскольку исторически, как это отмечалось выше, терское казачество органически соединяло традицию служения с самостоятельностью образа жизни.

Иными словами, терские казаки пока не достигли состояния конвертации культурного капитала в социальный и властный [8]. Это подтверждается тем, что отношение к хозяйственной, политической инициативе, исходящей из казачьих низов, может интерпретироваться с позиции этнографизма, изобретения традиции, сужая роль казачьей активности к архаике. При этом, очевидно, что в регионе, где длительный период процветал этнический бизнес, укреплялась этнократия, для терского казачества важно обрести союзников в региональной среде [9].

Активно поддерживаемая большинством населения региона идея любви к Родине, запрос на сильное государство содержат важный и неопенимый ресурс – социальной капитализации [10]. Терские казаки всегда характеризовались высоким уровнем патриотизма, и то, что в регионе казачья культура принимается как периферийная в молодежной среде Северного Кавказа (ее консолидирующую роль признают 8 % опрошенных в рамках исследования по проекту «Мир Кавказу»), является следствием этнографизации казачьей культуры, крена в сторону ее различий по сравнению с культурой кавказских народов.

Между тем культура терского казачества уникальна тем, что содержит мощный потенциал объединения, как модальное, в рамках диалога общероссийской и этнической культуры [11]. Конкретизируя эту мысль, можно говорить о том, что социальная капитализация терского казачества определяется тем, в какой степени представители терского казачества станут группой, использующей ресурс традиции для роста социального престижа, влияния на принятие властных решений.

Казалось бы, перспективное социально-демографическое развитие терского казачества стагнируется тем обстоятельством, что фактор «естественной убыли» казачества, показатели низкого демографического

воспроизводства по сравнению с народами, населяющими регион, объективируется, стимулирует оборонческие настроения. Социальные настроения терского казачества, таким образом, характеризуются чувством повышенных ожиданий по отношению к государству и не доминирующей, но проявляемой тенденцией к социокультурному обособлению.

Идеология «сектантства» означала бы крах терского казачества, его низведение до статуса этнорелигиозного меньшинства и выбор стратегии выживания путем альянса с политическими силами, стоящими на антироссийских позициях. Можно констатировать, что период социальных рисков для казачества незавершен, что терское казачество вступило в состояние встречи с внутренними и внешними вызовами. Внутренние заключаются в сценарии нестабильности для региона. Внешние – в том, что казачество испытывает влияние «космополитической» культуры, ориентированной на потребительство, на «парадный» патриотизм, на то, что терское казачество остается потенциальной мишенью для иностранных структур, мечтающих сконструировать очередной очаг межэтнической напряженности на Северном Кавказе.

Следует учитывать, что рост социально-демографического потенциала терского казачества зависит от степени понимания того, что, если считать Северный Кавказ своей родиной, требуется нейтрализация миграционных настроений, что для терского казачества так называемая экстерриториальная идентичность означала бы утрату культурного капитала и, как следствие, закрепления статуса периферийной группы в Северо-Кавказском регионе.

Важно, что актуальной является вера в будущее терского казачества как фундаментальная социальная диспозиция, как деятельностная установка. В таком контексте жизненные стратегии терских казаков определяются стремлением консолидироваться, действуя из имеющихся правовых, организационных, экономических ресурсов, стать группой властного влияния. В Северо-Кавказском регионе наблюдаются сложные процессы социальной дифференциации, которые размывают традиционные этнические различия [12], и в этом смысле терским казакам предоставляется шанс стать группой, референтной в использовании хозяйственных, культурных традиций.

Очевидно, что в условиях «половинчатой» модернизации региональная среда создает конфликтный плюрализм интересов, что для народов Кавказа осложняющим обстоятельством является клановая закреплённость во власти, так же как и то, что до сих пор действует принцип представительности народов в зависимости от критерия численности [13]. Такая ситуация порождает осознание ущемленности у «рассеян-

ных», разделенных или «непредставленных» народов (ногайцы, абзины, черкесы, лезгины). Как отмечалось выше, терскому казачеству также приходится испытывать дискриминирующие эффекты территориальной дисперсности, анклавизации, «непредставительства», что создает основу для позитивной солидаризации, для действий в рамках укрепления территориальной целостности и единства Российского государства, направленных на включение малых и разделенных народов в процесс государственного строительства, в развитие региональной экономики, внесение вклада в стабилизацию социально-политического порядка.

Роль терского казачества, таким образом, заключается в том, чтобы продемонстрировать возможности преодоления межэтнического отчуждения, ориентировать северокавказское общество на укрепление места Северного Кавказа в социальной, политической, культурной и хозяйственной жизни российского общества.

От того, каковы будут перспективы развития терского казачества, зависит характер общественных настроений по отношению к Северному Кавказу, к проблемам Кавказского региона. Наблюдается манипуляция общественным сознанием в конструировании позиции «ухода России из Кавказа», «хватит кормить Кавказ». Эти настроения, если примут характер доминирующих, внесут дезинтеграционный эффект в российское общество, последствия которого для обеспечения безопасности и порядка являются тревожными [14].

Проведенный анализ показывает, что Северо-Кавказский регион может стать лидирующим в российском обществе в контексте роста социально-демографического потенциала терского казачества, что подтверждает результативность и долгосрочность государственной социальной, национальной, региональной политики. Также можно констатировать, что социальная пассионарность (энергия) терского казачества способствует патриотизму и позитивной политической активности населения региона.

Литература

1. Губенко О.В. Терское казачье войско в XVI–XXI вв. Влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни. Ессентуки, 2007.
2. Казачество как этносоциальный феномен / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д., 2011.
3. Маслов А.Г. Возрождение казачества на Северном Кавказе в конце XX – начале XXI в. Ставрополь, 2002.

References

1. Gubenko O.V. Terskoe kazach'e voysko v XVI–XXI vv. Vliyanie gosudarstva na sotsial'no-ekonomicheskie aspekty kazach'ey zhizni. Essentuki, 2007.
2. Kazachestvo kak etnosotsial'nyy fenomen / otv. red. Yu.G. Volkov. Rostov n/D., 2011.
3. Maslov A.G. Vozrozhdenie kazachestva na Severnom Kavkaze v kontse XX – nachale XXI v. Stavropol', 2002.

4. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М., 2013.
5. *Завалишин А.Ю.* Территориальное социально-экономическое поведение (теоретико-методологический анализ). М., 2008.
6. *Гапуров Ш.А. и др.* Цивилизационная роль России на Северном Кавказе (на примере российско-чеченских отношений) // Научная мысль Кавказа. 2016. № 2. С. 5–13.
7. *Черноус В.В.* Роль казачества в диалоге русской и кавказской горской цивилизации // Россия: прошлое, сегодняшние реалии и перспектива развития. Новочеркасск, 1992.
8. Российская идентичность в Москве и регионах. М., 2009.
9. *Рыжова С.В.* Этническая идентичность в контексте толерантности. М., 2011.
10. *Волков Ю.Г.* Гуманистическая идеология и формирование российской идентичности. М., 2006. 257 с.
11. *Крамарова Е.Н.* Социальная ответственность бизнеса в сфере культуры (на примере Юга России) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 3. С. 40–45.
12. *Черноус В.В.* Рец.: Дзуцев Х.В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа. М., 2012. // Социологические исследования. 2014. № 11 (367). С. 154–155.
13. *Лексин В.Н.* Федеративная Россия и ее региональная политика. М., 2008.
14. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М., 2015.
4. *Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra.* M., 2013.
5. *Zavalishin A.Yu.* Territorial'noe sotsial'no-ekonomicheskoe povedenie (teoretiko-metodologicheskij analiz). M., 2008.
6. *Gapurov Sh.A. i dr.* Civilizacionnaya rol' Rossii na Severnom Kavkaze (na primere rossiysko-chechenskikh otnosheniy) // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2016. № 2. S. 5–13.
7. *Chernous V.V.* Rol' kazachestva v dialoge russkoy i kavkazskoy gorskoy civilizatsii // Rossiya: proshloe, segodnyashnie realii i perspektiva razvitiya. Novocherkassk, 1992.
8. *Rossiyskaya identichnost' v Moskve i regionakh.* M., 2009.
9. *Ryzhova S.V.* Etnicheskaya identichnost' v kontekste tolerantnosti. M., 2011.
10. *Volkov Yu.G.* Gumanisticheskaya ideologiya i formirovanie rossiyskoy identichnosti. M., 2006. 257 s.
11. *Kramarova E.N.* Sotsial'naya otvetstvennost' biznesa v sfere kul'tury (na primere Yuga Rossii) // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki. 2013. № 3. S. 40–45.
12. *Chernous V.V.* Rec.: Dzutsev Kh.V. Etnosotsiologicheskij portret respublik Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga. M., 2012. // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2014. № 11 (367). S. 154–155.
13. *Leksin V.N.* Federativnaya Rossiya i ee regional'naya politika. M., 2008.
14. *Regional'naya sotsiologiya: problemy konsolidatsii sotsial'nogo prostranstva Rossii.* M., 2015.